

УДК 398.1.821.512.157

DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-72-82

Сюжеты и мотивы преданий о Таас Уллунгах в фольклоре и литературе: к вопросу о преемственности фольклорных традиций в литературе

Л. Н. Романова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия

✉ Romanova_lida@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения специфики взаимодействия фольклора и литературы с точки зрения преемственности традиций устной словесности и их художественной интерпретации и трансформации в якутской литературе. До сих пор остаются малоизученными проблемы функционирования и интерпретации в структуре литературного текста фольклорного нарратива. Между тем народные предания и легенды являются одними из важных жанро- и сюжетообразующих компонентов якутской литературы. Новизна исследования заключается в том, что впервые в якутском литературоведении рассматривается процесс формирования сюжетно-мотивного комплекса в народных преданиях об отдельном мифологическом герое в различных вариантах от разных источников и его функционирование в современной якутской литературе. Цель исследования – выявить особенности формирования сюжетно-мотивного комплекса о Таас Уллунгах в фольклористике и специфики его художественной интерпретации в различных жанрах якутской литературы второй половины XX и начала XXI вв. (в историческом романе, драме стихах и поэме). Задачи исследования: 1) сравнение и типология сюжетно-мотивного комплекса в народных преданиях о Таас Уллунгах в фольклорно-этнографических работах Г. В. Ксенофонтова, А. Е. Кулаковского, Д. И. Дьяковского-Сэһэн Боло; 2) выявление особенностей функционирования и трансформации сюжетно-мотивного комплекса, сложившегося в мифо-фольклорных текстах, в драме стихах «Долина Керяйи» и стихотворении «Тыгын и Таас Уллунгах» И. М. Гоголева-Кындыла, историческом романе «Тыгын Дархан» В. С. Яковлева-Далана, в “маленькой” поэме «Таас Уллунгах» Н. И. Харлампьевой. В исследовании применен источниковедческий анализ происхождения основных сюжетов и мотивов в преданиях о сыне Тыгына Таас Уллунгах (Муос Уола) и их сопоставительный анализ в литературных произведениях XX в. Сравнение сюжетов и мотивов преданий в фольклорном нарративе и литературном произведении рассмотрено в контексте взаимодействия двух поэтических систем: устной (зафиксированной в письменной «книжной форме») и литературной. Такой подход позволит обнаружить некоторые общие свойства художественной структуры обеих систем.

Ключевые слова: фольклор, предание, мотив, сюжет, якутская литература, Таас Уллунгах, драма в стихах, исторический роман, поэма.

Для цитирования: Романова Л. Н. Сюжеты и мотивы преданий о Таас Уллунгах в фольклоре и литературе: к вопросу о преемственности фольклорных традиций в литературе. Вопросы национальных литератур. 2023. № 4 (12). С. 72–82. DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-72-82

Plots and motifs of legends about Taas Ullungakh in folklore and literature: on the question of continued folklore traditions in the literature

L. N. Romanova

Institute of Humanitarian Studies and North Indigenous Peoples Problems of the SB RAS, Yakutia, Russia

✉ Romanova_lida@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is due to the need to study the specifics of the interaction of folklore and literature from the point of view of the continuity of oral literature traditions and their artistic interpretation and transformation in Yakut literature. The problems of functioning and interpretation in the structure of the literary text of the folklore narrative are still poorly studied. Meanwhile, folk legends and legends are one of the important genre- and plot-forming components of Yakut literature. A comparison of plots and motifs of legends in folklore narratives and literary works is considered in the context of the interaction of two poetic systems: oral (recorded in written "book form") and literary. The novelty of the research lies in the fact that for the first time in Yakut literary studies, the process of forming a plot-motif complex in folk legends about a separate mythological hero in various versions from different sources and its functioning in modern Yakut literature is considered. The purpose of the study is to identify the features of the formation of a plot-motif complex about Taas Ullungakh in folklore studies and the specifics of its artistic interpretation in various genres of Yakut literature of the second half of the twentieth and early twenty-first centuries. (in historical novel, drama poems and poem). Research objectives: 1) comparison and typology of the plot-motif complex in folk legends about Taas Ullungakh in the folklore and ethnographic works of G. V. Ksenofontov, A. E. Kulakovsky, D. I. Dyachkovsky-Sehen Bolo; 2) identification of the features of the functioning and transformation of the plot-motif complex that has developed in mytho-folklore texts, in the drama poems "The Valley of Keryaya" and the poem "Tygyn and Taas Ullungakh" by I. M. Gogolev – Kyndyl, the historical novel "Tygyn Darkhan" by V. S. Yakovlev – Dalan, in the "little" poem "Taas Ullungakh" by N. I. Kharlampieva. The study uses a source analysis of the origin of the main plots and motifs in the legends about Tygyn's son Taas Ullungakh (*Muos Uola*) and their comparative analysis in literary works of the twentieth century. The comparison of the plots and motifs of legends in folklore narrative and literary work is considered in the context of the interaction of two poetic systems: oral (recorded in written "book form") and literary. This approach will allow you to detect some common properties of the artistic structure of both systems.

Keywords: folklore, legend, motif, plot, Yakut literature, Taas Ullungakh, drama in verse, historical novel, poem.

For citation: Romanova L. N. Plots and motifs of legends about Taas Ullungakh in folklore and literature: on the question of continued folklore traditions in the literature. *Issues of National Literature*. 2023. No. 4 (12). Pp. 72–82. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-72-82

Введение

Изучение особенностей функционирования и интерпретации устных повествовательных жанров фольклора и их элементов в художественной литературе актуализировано одной из основных задач исторической поэтики — необходимостью «определения роли и границы предания в процессе личного творчества» [1, с. 537]. Если в период формирования младописьменной якутской литературы в начале XX в. фольклорные жанры являлись основной моделирующей категорией, то в процессе развития

литературной традиции освоение устно-поэтических форм, отвечая «условиям нового применения», стало носить иной характер, «оживляясь новым настроением, становясь символом» [1, с. 537], наполняясь новым содержанием и смыслом. Фрагменты фольклорных жанровых форм и их имитации, сюжеты и мотивы, подчиняясь авторскому замыслу, вводятся в тексты современной литературы в качестве архетипической сюжетно-композиционной и образно-мотивной основы произведения, тем самым придавая ему особый (эпический, народно-поэтический) характер, способствующий созданию уникальной национальной картины мира.

В центре нашего внимания находится процесс формирования устойчивого мотивного комплекса о Таас Уллунгахе в фольклорных источниках, который впоследствии вошел в повествовательную структуру литературных произведений во второй половине XX и начале XXI вв.

Мотив, вслед за А. Н. Веселовским, мы рассматриваем как повторяющийся, устойчивый, традиционный элемент фольклорного и литературного повествования. Проблема отношения мотива и сюжета вызывает интерес фольклористов и литературоведов. Базовыми в исследовании сюжета и мотива в фольклоре и литературе являются труды В. Я. Проппа [2], О. М. Фрейденберга [3], Е. М. Мелетинского [4], С. А. Неклюдова [5–6], И. В. Силантьева [7] и др.

Основная часть

Одним из источников творческого вдохновения писателей второй половины XX–начала XXI вв. по своей оригинальной мифологической структуре и романтической природе образа героя стало предание о сыне Тыгына Таас Уллунгахе (варианты имен – Муос-Уол, Кэрэмэс Бэргэн).

Сюжет о герое с неуязвимым телом, кроме одного места, предательски убитом отцом или по его наущению братьями, или хосунами других улусов, может быть отнесен к сюжетам, связанным с «историческими движениями народностей и их борьбой за смену рода», а также с идеализацией героя [1, с. 616].

Предание об этом герое не имеет каких-либо исторически достоверных источников, поэтому речь идет о мифологическом типе героя, но повествование о нем свидетельствует о процессе «утери мифологической основы» и «усилении сказочного, “чудесного” начала» [8, с. 105], что обусловлено идеализацией и гиперболизацией образа героя.

Мифологический образ Таас Уллунгаха имеет общетипологические черты, характерные для преданий многих народов. Он обладает неуязвимым телом, состоящим из рога или кости, имеет уязвимое место под левой подмышкой в виде родимого пятна или “чистого” открытого места, так же, как обмазанный кровью чудовища неуязвимый Зигфрид из «Песни Нибелунгов», убитый копьем в уязвимое место на спине; или Ахилл с уязвимой пяткой; или бронзовотелый Исфаендиар из иранского эпоса, убитый выстрелом в глаз.

В фольклористике и этнографии наиболее известны предания об этом герое, записанные Г. В. Ксенофонтовым, А. Е. Кулаковским, С. И. Дьячковским-Сэсэн Боло. Сравнение этих текстов с точки зрения их жанровых особенностей и стилистики повествования представляется некорректным, т. к. речь идет о разных научных подходах к нарративным текстам, в основном зависящим от источника материала, о разных по объему и языку текстов (тексты двух первых исследователей написаны на русском языке, текст Боло – на якутском языке), но сопоставлению может подлежать корпус устойчивых мотивов и их вариантов.

Нарративные тексты о Таас Уллунгахе или Муос-Уол обозначены в работах Ксенофонтова и Кулаковского как легенды, но в данной статье употребляется термин «предание», т. к. в текстах изложены события, повествующие о судьбе героя, которые не подтверждены фактическими свидетельствами и носят недостоверный, во многом мифологизированный характер, и зафиксированы только из устных источников. Но при

этом они не имеют самостоятельного, независимого характера, неизменно прикреплены к легендарному циклу о Тыгыне.

Г. В. Ксенофонов по крупицам воспроизводит якутские легенды в своей работе «Эллэйада» [9]. Его научный принцип считать легендой «связный рассказ», который имеет «круг распространения и бытует в изустной памяти народа во многих редакциях, расходящихся в мелочах, но повторяющий один устойчивый сюжет о судьбах тех или других излюбленных героев» [10, с. 185] распространяется и на корпус текстов о Муос-Уол и / или Таас Уллунгах.

В «Эллэйаде» предания о сыне Тыгына Таас Уллунгах (Муос-Уол) или его упоминание в связи с деяниями Тыгына включены в главы «Легенды Кангаласского улуса об эпохе Тыгына – повелителя якутов» и «Легенды Мархинского улуса». Из 10 легенд, касающихся Таас Уллунгах или Муос-Уол, только 3 имеют прямое указание на имя героя (№№ 86, 112 «Муос-Уол», № 102 «Сын Тыгына Таас Уллунгах»). Остальные предания об этом персонаже относятся к деяниям Тыгына: №№ 70, 83 «Истребление Тыгином детей», №№ 97, 99 «Избиение Тыгином детей», № 94 «Тыгыниды», № 219 «Тыгын – властелин якутов». Также убийство Муос-Уола и Таас Уллунгах упоминаются в предании «Бегство якутов на Виллюй» (№ 203).

Данный персонаж иногда предстает как родной сын Тыгына (от худой нелюбимой жены или младший сын), иногда как приемный сын или сын некоей вдовы. В записях от разных информантов имя сына Тыгына «с каменными ступнями» варьируется. В основном в ксенофоновских записях он предстает как Муос-Уол (Роговой сын или Сын из рога. №№ 70, 86, 99, 112), но иногда Муос-Уол и Таас Уллунгах предстают как два отдельных персонажа (№№ 97, 219).

В преданиях сохраняется однотипный сюжет от разных информантов – вероломное убийство спящего героя на вершине горы Чочур Мыраан из-за опасений его превосходства над отцом или братьями, или соседними племенами. Имена убийц варьируются: отец Тыгын, брат Чаллаайы, старший брат (без имени), пастух, табунщик Кыгычкын. В большинстве случаев это клановое убийство, т. е. убийство совершается его близкими людьми.

Устойчивы мотивы: «чудесного» неуязвимого, кроме одного места под левой подмышкой, тела героя (на слабое, уязвимое место героя указывают или мать, или няня, или нянчивший его во младенчестве пастух); неимоверной силы героя (от его дыхания клонились деревья и травы); пространственной локации героя (вершина горы Чочур Мыраан, которую выбирает сам герой для проживания или его поселяет туда отец); убийства во сне как нарушение этических норм, обычаев; предсмертные слова-предсказания героя о том, что убийцы в будущем пожалеют об его отсутствии. Эти мотивы составляют основной каркас сюжета преданий в разных вариантах от разных информантов.

Пример преданий о Муос-Уол / Таас Уллунгах свидетельствует о том, насколько важно было Г. В. Ксенофонову как исследователю не только «удостовериться» в «легендарности и народности данного рассказа», но и «установить все его характерные составные элементы: что в них постоянно, устойчиво и что явилось в результате индивидуального творчества или интерпретации отдельных рассказчиков» [10, с. 186]

Предание (легенда) о Таас Уллунгах А. Е. Кулаковского относится к сеймчанскому периоду его жизни, о чем свидетельствует запись в дневнике 1923 г. [11, с. 26]. Предание впервые опубликовано в 1979 г. в «Научных трудах» А. Е. Кулаковского [12]. Исследователь подходит к преданиям-легендам так же, как и к «Материалам для изучения верования якутов», с точки зрения «природного якута», впитавшего «в себя вместе с молоком матери» устные традиции родного народа, потому «никаких ссылок на разные источники, за редкими исключениями» не указывает [12, с. 8].

Нельзя отрицать того, что Кулаковский к преданиям подходит с позиций поэта, о чем свидетельствует композиционное строение текста и стиль повествования, исходящие из авторской оценочности изображаемых событий. Легенды в записи поэта приобрели специфически «книжные», письменные средства языковой выразительности и литературной стилистики [6].

Повествование о Таас Уллунгахе у Кулаковского строится на «биографическом» строении сюжета: от рождения героя до его смерти. События в повествовании даются в причинно-следственной связи, с объяснением происхождения имени героя, исходя из физиологических особенностей его тела (каменный нарост из сухожилий на ногах и руках), с мотивировкой его убийства. Мотива неуязвимости тела героя в предании поэта нет, упоминается лишь то, что он был «замечательно сильным человеком».

Поэт не старается сохранить и передать особенности устного текста (это, наверно, и невозможно в полной мере воспроизвести в переводном тексте). Для Кулаковского был важен сам сюжет о «судьбе» Таас Уллунгаха, который сложился из типических традиционных мотивов, бытовавших в устной традиции: опасения отца превосходства сына; пространственная локация героя (верхушка горы Чочур Мыраан); убийство спящего Таас Уллунгаха противниками Дыгына (вилюйцами); смерть наступает в результате поражения уязвимого места под левой подмышкой.

Редким (не зафиксированным в других фольклорных источниках) мотивом в предании, записанном Кулаковским, является мотив участия в убийстве героя шамана и отмщения убийцам братом-калейкой Таас Уллунгаха. В целом текст Кулаковского представляет собой переложение сюжета предания с объяснением происхождения имени героя, мотивировкой действий отца и убийц, причем с объяснением некоторых этнических обычаев («... в старину ратные люди без шамана не ездили», «Убивать [сонного] врага или даже медведя в те времена считалось делом позорным и недостойным для доброго имени честных людей»). Таким образом легендарный сюжет у Кулаковского не только наполняется утилитарно-бытовыми подробностями, но и наполняется психологическими и этнографическими мотивировками.

Текст «Таас Уллунгах, сын Дыгына», записанный С. И. Боло и опубликованный в 1995 г. в книге «Предания, легенды и мифы саха (якутов)» в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» в силу того, что написан на якутском языке, точнее передает жанровые и стилистические особенности предания [13]. Как писали составители этого научного издания «тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства, с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка» [13, с. 7]. Согласно этому тексту, предание о сыне Дыгына Таас Уллунгахе представлено со строгим соблюдением народной риторики и композиции, проявленных в языковом оформлении текста, передающем особенности устной речи информанта.

Герой в записи Боло предстает как необузданный, неуправляемый ребенок («түнкэтэх хааннаах оҕо»). Однако мотивный комплекс, составляющий сюжет повествования, устойчив и традиционен: у героя полностью костяное неуязвимое тело с уязвимым местом под левой подмышкой (на которое по неосторожности указывает убийцам мать героя); обитание героя на верхушке горы; ревность и страх отца, что сын превзойдет его по силе; убийство спящего героя хосунчахом, подговоренным Тыгыном.

Рассмотренные записи преданий о Таас Уллунгахе / Муос-Вол различаются не только источниковедческой базой, но и своими размерами, мифологизированной картиной мира, аксиологическими акцентами. Кроме того, важен подход к самому материалу: Кулаковский здесь выступает, прежде всего, как носитель устной традиции, но при этом в его записях легенд и преданий есть следы литературной обработки. А Ксенофонов и Боло как исследователи воспроизводят различные варианты преданий, скрупулезно восстанавливая их устойчивые, инвариантные компоненты, и выявляя

новые элементы, опираясь на разные источники. При этом для исследователей важна география распространения и бытования преданий, чтобы определить устойчивость или вариативность сюжетно-мотивных компонентов.

В основном во всех преданиях Таас Уллунгах предстает в оппозиции к отцу. При этом мировоззренческого конфликта между персонажами в преданиях не наблюдается. Есть лишь мотив опасения отца, что неуправляемый, необузданный младший сын будет в будущем превосходить его и братьев по силе и ловкости.

Мотивный комплекс в фольклорных нарративах складывается из трех составляющих: *имени–локуса–события*. «Говорящее» имя (Таас Уллунгах / Муос-Уол) дает портретную характеристику герою предания, подчеркивает его неуязвимость, силу, что служит поводом для опасений отца и/или противников хангаласцев. Его пространственная локация (*локус*), место обитания вершина горы, свидетельствует, с одной стороны, об его оторванности от семейного клана и возвышения над другими людьми; с другой – возможно, о его исключительности, особом предназначении, избранности божествами Верхнего неба. *Событие* – убийство спящего героя (отцом / братьями / вилюйцами) становится нарушением этических норм и древних обычаев. И во многих текстах устойчивым остается мотив предсмертных слов-предсказаний героя о том, что в будущем убийцы будут жалеть о его отсутствии.

В наше время устные предания и легенды закрепились в сознании народа в письменной, «книжной» форме. Поэтому есть основание говорить о том, что предания, записанные Г. В. Ксенофонтовым, А. Е. Кулаковским и С. И. Боло, стали для многих современных авторов моделирующей базой для литературных опытов.

Сюжет о Тыгыне и его сыне Таас Уллунгахе в литературных произведениях трансформируется, согласно авторскому замыслу и наполняется новым содержанием. Теперь конфликт отца и сына приобретает мировоззренческий характер.

В литературе сохраняется мотивная модель предания о Таас Уллунгахе – *имя–локус–событие*, но функционирование этой модели приобретает, по воле авторов, не только утилитарно-бытовой, но и психологический и/или философский характер.

Несомненно, что образ Таас Уллунгаха в литературе так же, как и в фольклоре всегда предстает в контексте образа Тыгына. Возникая в композиции произведения чаще всего в качестве дополнительной, второстепенной сюжетной линии, созвучной главной фабуле, предание о Таас Уллунгахе закрепляет историческую и психологическую оценку образа Тыгына и художественную интерпретацию его поступков, деяний.

К мифу о Таас Уллунгахе не раз возвращался в своем творчестве И. М. Гоголев-Кындыл. Легенды и предания введены в поэтическую систему Гоголева (в прозе, драме, лирике) как маркер индивидуально-авторского стиля.

Трагическая коллизия Тыгына и его сына становится одной из заглавных сюжетных линий в драме в стихах «Долина Керяйи» («Киэн Күөрээйи») и главной темой произведения «Тыгын и Таас Уллунгах», вошедшего в цикл «Легенды Лены» в поэме «Песни о Лене».

В 1968 г. его драма «Долина Керяйи» единственный раз ставилась на сцене Якутского драмтеатра, но была запрещена к показу и печати, якобы из-за националистической идеи. Этот один из первых и наиболее полных вариантов драмы в стихах «Утро Туймаады», который был опубликован лишь в 2015 г. [14].

Сюжетная линия о Таас Уллунгахе становится заглавной в композиции драмы. Появившись в первом акте как действующее лицо Таас Уллунгаха проходит сквозной линией по всему тексту и становится драматическим триггером, который приводит к постоянному репереживанию персонажами его убийства, как травмирующего события.

В драме впервые в якутской литературе (еще задолго до романа В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан») обозначилась идея о Тыгыне не просто как повелителе и поработителе племен, но и правителе, жаждущем объединить народ саха. Это дало импульс трактовке образа Тыгын Дархана как основателя идеи сплочения народа саха во всех культурных

текстах современности (исторических, фольклористических, литературоведческих, этнографических, философских и т. д.)

Тыгын и Таас Уллунгах в драме Гоголева противопоставлены. Клановый конфликт (между отцом и сыном, Таас Уллунгахом и братьями) перерастает в оппозицию идеи войны и мира. В отличие от фольклорного мотива, конфликт отца и сына – это конфликт видений картины мира, противостояние мировоззрений.

Мотивный комплекс, сформировавшийся в фольклоре, служит архетипической основой сюжета всего произведения. При сохранении основных мотивов предания о Таас Уллунгах поэт придает этому сюжету иной драматический характер. Теперь сын Тыгына не просто невинная жертва, как в фольклоре, вызвавшая опасения у отца своими физическими способностями, а активный противник идеологии отца, выражающий свое неприятие кровавого достижения власти отцом. Смерть Таас Уллунгаха становится в драме началом заката власти Тыгына. Убийство спящего Таас Уллунгаха как большой грех, нарушение незыблемых этических норм и древних обычаев становится символом нарушения жизненного баланса. Рефреном в драме звучит идея о том, что Таас Уллунгах в будущем мог бы привести свой народ к процветанию и миру.

В «Долине Керяйи» сюжетная ситуация о Таас Уллунгах представляет собой тип «развернутых» мотивов, «пульсирующих», движущих сюжет [5, с. 238]. Так, мотив превосходства по силе и ловкости, неуязвимости, который в фольклорных текстах только указывается в портретной характеристике, «развернут» в диалоге Таас Уллунгаха с его наставником Аннысар Боотур. Здесь герой наравне с боевой закалкой, которому обучает наставник, проходит своеобразную инициацию, выражая свое отношение к отцу, к его желанию поработить все племена, и в целом утверждая свое видение мира. Заявление Таас Уллунгаха о желании стать ровней великому отцу, а затем и превзойти его, становится пусковым механизмом, завязкой драматической ситуации.

Также развернут мотив убийства спящего на горе Таас Уллунгаха. Монолог Тыгына, пришедшего убить сына, но не решившегося на этот шаг, и реплики Бегюл Бега, убившего Таас Уллунгаха, приняв его за сына врага Тыгына Легея – Тереня, разворачивают фольклорный мотив до уровня сюжетной ситуации. Разложение, развертывание, разрастание фольклорного мотива в целом являются характерной чертой мифопоэтики Гоголева [15].

В 1970-е гг. Гоголев возвращается к поэтической интерпретации легенд и преданий в своих поэмах «Песнь о Лене» и «Письмена на бивне мамонта».

Хотя в названии произведения «Тыгын и Таас Уллунгах» в трилогии «Легенды Лены» в поэме «Песнь о Лене» подразумевается некое равенство, но главной темой здесь является драма Тыгына как отца. Сюжетная линия Таас Уллунгаха занимает основную часть, но служит психологической характеристике Тыгына. Композиция произведения имеет рамочное строение: повествование начинается с портрета властного, воинствующего Тыгына и заканчивается изображением некогда сильного, но одряхлевшего, беззащитного властителя.

Сюжет основной части развертывает мотивы предания о Таас Уллунгах в контексте семейных взаимоотношений. Устойчивые мотивы защищенности тела героя роговой чешуей и уязвимого места под подмышками, опасения Тыгына превосходства сына, убийство спящего сына «черной тенью» на вершине Ытык Хайа обуславливают развитие сюжета произведения. Фабульная интрига убийства спящего Таас Уллунгаха черной тенью, прокрадшейся к спящему и вонзившей в него копье, придает произведению авантюрно-детективный характер с элементами психологической драмы.

В стихотворении развернут мотив вероломного убийства сына Тыгына в виде рассказа балладного типа, в котором присутствуют элементы загадочного, таинственного, недоговоренного, необъяснимого и трагически неразрешимого. Устойчивый мотивный комплекс создает мрачный колорит произведения, трагическую обреченность героев (Таас Уллунгаха и самого Тыгына), неотвратимость наказания за грехи.

Возрастание интереса якутской литературы к народной мифологии и фольклорному наследию (хотя он никогда и не ослабевал в якутской литературе) в связи с ростом национального самосознания, утверждением суверенитета республики, отмечено выходом романа В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» [16]. Роман стал явлением общенационального значения, символом выражения национального достоинства и самоуважения.

Роман Далана – новаторское явление по своей художественной форме. Он представляет собой масштабное развертывание фольклорного нарративного сюжета о Тыгын Дархане со множеством сюжетных ситуаций и мотивных разветвлений. Произведение полисюжетно, что обусловлено не только широчайшим охватом событий и персонажей, но и обширным мотивным комплексом.

Сюжетная линия о судьбе Таас Уллунгаха дана в романе пунктирно. Его образ передается через «чужую» речь – воспоминания разных персонажей о нем (разговор на сенокосе, рассказ о нем Ходжутаана младшим сыновьям Тыгына, воспоминания Тыасааны и Ньырбакаан о Кэрэмэс Бэргэне). Рассказ Ходжутаана детям о *старшем* сыне Тыгына Таас Уллунгахе, по сути, и есть само предание. Автор сохраняет жанровые особенности и стилистику народного предания. Мотивы, которые составляют сюжет рассказа Ходжутаана, повторяют традиционную схему архетипического сюжета: имя–локус–событие.

Символика имени героя в рассказе Ходжутаана играет существенную роль в раскрытии его образа и в дальнейшем «закадровом» его существовании в структуре романа. Настоящее имя героя, по рассказу Ходжутаана, Кэрэмэс Бэргэн. Таким именем он упоминается в воспоминаниях близких ему людей (Ходжутаана, Ньырбакаан, Тыасааны). Мотивы неимоверной силы и ловкости, неуязвимого тела с уязвимым местом в подмышках соотнесены с его именем и прозвищами. Так, в рассказе Ходжутаана сохраняется мифологизированный образ героя.

Возникшее в романе новое имя этого героя – Кэрэмэс, также значимо для раскрытия его образа. Кэрэмэс обозначает в якутском языке масть коня – «темно-серый». Сочетание с именованием «Бэргэн» (меткий, ловкий) – Кэрэмэс Бэргэн – дает дополнительную эмоционально-экспрессивную характеристику образа, выражающую особую силу, ловкость героя и в то же время его необузданность и ретивость.

Имя сына Тыгына изначально табуировано в романе. Работники Тыгына с оглядкой и страхом называют его имя. Табуированность имени в какой-то мере объясняется в последующем диалогами Тыасааны и Ньырбакаан, в которых сквозит некая недосказанность, таинственность, имплицитно подтверждающая версию сыноубийства.

Пространственной локацией героя остается вершина горы Чочур Мыраан. Чочур Мыраан приобретает символическую силу в романе в целом. Это место силы героя. Но оно в романе приобретает двоякое значение: в рассказе Ходжутаана сохраняется устойчивый мотив обитания героя на вершине горы из-за того, что он не переносил духоту в низовьях Туймаады, а в воспоминаниях Ньырбакаан Кэрэмэс переселяется (строит юрту) на вершине Чочур Мыраана в результате ссоры и вражды с отцом. Там он собирает вокруг себя молодежь, обостряя конфликт отцов и детей.

Событие (убийство Таас Уллунгаха) так же, как и в фольклорном нарративе, в рассказе Ходжутаана дается в причинно-следственной связи: опасения врагов хангаласцев взросления и обретения силы сыном Тыгына как угрозы их будущности, что приводит к нарушению древнего завета, обычая – убийства спящего, не способного себя защитить, человека.

Предание о Таас Уллунгахе в воспоминаниях Ньырбакаан развертывается в ином качестве. Перед читателем предстает рассказ не о мифологическом герое со сказочными, «чудесными» свойствами, а о «реальном» живом человеке со своими чувствами, мыслями, переживаниями. Воспоминание о Кэрэмэсе дается в контексте проблемы отцов и детей, их противостояния. Кэрэмэс отказывается быть наследником идей отца («Абаа, мин эн

хааннаах сырыыларгар аргыс буолбаппын» досл. “Отец, я не буду спутником на твоём кровавом пути”) и отчуждается от него.

Таким образом, предание о Таас Уллунгахе в романе Далана представлено как бы в зеркальном отражении в двух вариантах – с сохранением жанровых, композиционных, сюжетно-мотивных, стилистических особенностей фольклорного нарратива в одном повествовании (близкое к цитированию устного нарратива), где герой предстает как мифологический образ; и в виде воспоминания о «реальном» живом человеке, с которым персонажи романа непосредственно взаимодействовали. Но второе повествование не лишено идеализации героя в стиле устного нарратива.

Образ Таас Уллунгаха в романе, реализуясь в структуре романа лишь как память о нем, становится символом стремления к свободе и непринятия кровавого пути в достижении мира – Ил.

В произведениях Гоголева и Далана образ Таас Уллунгаха выступает как противостоящая Тыгыну сила, манифестирующая идею неприятия войны, кровопролития, междоусобиц между кланами.

В современной якутской литературе образ Таас Уллунгаха продолжает существовать в романтическом ключе. Женское осмысление судьбы героя предстает в «маленькой» поэме Натальи Харламповой «Таас Уллунгах» [17]. Лирический сюжет поэмы строится на полифонической композиции – через голоса четырех лирических субъектов: современной женщины, сестры Таас Уллунгаха Тыасааны, его матери и возлюбленной, оплакивающих убитого героя.

Монолог современной женщины служит обрамлением трех монологов-песен: тойук Тыасааны, причети матери и элегической песни возлюбленной. Фольклорные мотивы предания о мифологическом герое вкраплены в их песни (Чочур Мыраан, физическая сила, неуязвимость героя, убийство спящего, как нарушение обычая). Изначально в экспозиции (монологе современной женщины) отрицается, не приемлется мотив сыноубийства.

Несмотря на то, что сюжет поэмы основан на устно-народном нарративе, в лирическом повествовании устойчивые мотивы не функционируют в поэме как движущий элемент сюжета, они выполняют роль «отсылки», подтверждения фольклорного происхождения лирического сюжета. Здесь мы можем наблюдать, как повествовательная формула фольклорного мотива трансформируется в лирический мотив, в котором не столь важно событийное начало предания, а существенно выражение лирического переживания, воплощение в мотиве чувств и эмоций лирического субъекта.

Заключение

Предания о Таас Уллунгахе вошли в литературный фонд в текстах, в которых философски осмысливаются «вечные» проблемы человеческих взаимоотношений на уровне семьи, племени и человеческого сообщества в целом. Образ этого героя в литературе закрепился как романтический герой, который противостоит установленным нормам и условностям, он одинок в своих устремлениях и взглядах, оторван от остального общества (место обитания на вершине горы Ытык Хайа или Чочур Мыраан), выбирает свободу, не приемлет войны, кровопролития.

Активность устойчивых мотивов в структуре разножанровых текстов свидетельствует о продуктивности фольклорного нарратива. При этом в авторской интерпретации фольклорные мотивы трансформируются в литературные (лирические, драматические, трагические) мотивы.

Авторы рассмотренных литературных произведений строят свои тексты так, что фольклорный мотив служит иллюстрацией, подтверждением авторской позиции в произведении, данной сквозь призму «народного мировосприятия». Интерпретация авторами легенды, предания становится ключевой в понимании произведения – романа, поэмы, драмы в стихах – в целом наличие подобных внутренних сюжетно-мотивных конструкций в литературных текстах можно расценивать как концептуально-значимое и структурообразующее.

Л и т е р а т у р а

1. Веселовский, А. Н. Избранное : Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 688 с.
2. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 2001. – 192 с.
3. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра : период античной литературы / О. М. Фрейденберг. – Москва : Лабиринт, 1997. — 448 с.
4. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – Москва : Наука, 1976. – 407 с. – (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»).
5. Неклюдов, С. А. Мотив и текст / С. А. Неклюдов // Язык культуры : Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). – Москва : Индрик, 2004. – 498 с.
6. Неклюдов, С. А. О слове устном и книжном / С. А. Неклюдов // Живая старина, 1994. – № 2. – С. 2–3.
7. Силантьев, И. В. Поэтика мотива / И. В. Силантьев. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 295 с.
8. Покатилова, Н. В. Предания как фольклорный текст : «верхоянский» локус от Г. В. Ксенофонтова до А. А. Саввина / Н. В. Покатилова // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2022. – № 4 (41). – С. 100–109.
9. Ксенофонтов, Г. В. Эллэйада : Материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Г. В. Ксенофонтов. – Москва : Наука, 1977. – 247 с.
10. Ксенофонтов, Г. В. Ураангхай-сахалар : Очерки по древней истории якутов. Т.1. 1-я книга / Г. В. Ксенофонтов. – Якутск : Национальное издательство РС (Я), 1992. – 416 с.
11. «Сеймчанский дневник» А. Е. Кулаковского. 1923-1924 гг. / Составители Р. Р. Кулаковская, Н. С. Степанова. – Якутск : Бичик, 2018. – 64 с.
12. Кулаковский, А. Е. Научные труды / А. Е. Кулаковский. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1979. – 484 с.
13. Дыгын уола Таас Уллунгах (Таас Уллунгах, сын Дыгына // Предания, легенды и мифы саха (якутов). – Новосибирск : Наука, 1995. – С. 102–104.
14. Гоголев, И. М. (Кындыл). Кизн Күөрээйи / И. М. Гоголев // Айымньылар: в 5-ти т. – Дьокуускай : Бичик, 2015. – Т. 5. Драмалар. – С. 64 - 155.
15. Гоголев, И. М. Тыгын уонна Таас Уллунгах (Тыгын и Таас Уллунгах) / И. М. Гоголев // Түөрт саҕах (Четыре горизонта). – Якутск : Книжное издательство, 1980. – С. 272–275.
16. Яковлев-Далан, В. С. Тыгын Дархан : роман. / В. С. Яковлев-Далан. – Дьокуускай : Бичик, 1993. – 509 с.
17. Харлампьева, Н. И. Таас Уллунгах / Н. И. Харлампьева // Ыһыах кэnnэ (После ысыаха). – Дьокуускай : Бичик, 2012. – С. 93–107.

References

1. Veselovskij, A. N. Izbrannoe : Istoricheskaya poetika / A. N. Veselovskij. – Moskva : Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2006. – 688 s.
2. Propp, V. Ya. Morfologiya volshebnnoj skazki / V. Ya. Propp. – Moskva : Labirint, 2001. – 192 s.
3. Frejdenberg, O. M. Poetika syuzheta i zhanra : period antichnoj literatury / O. M. Frejdenberg. – Moskva : Labirint, 1997. — 448 s.
4. Meletinskij, E. M. Poetika mifa / E. M. Meletinskij. – Moskva : Nauka, 1976. – 407 s. – (Seriya «Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka»).
5. Neklyudov, S. A. Motiv i tekst / S. A. Neklyudov // Yazyk kul'tury : Semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo (1923–1996). – Moskva : Indrik, 2004. – 498 s.
6. Neklyudov, S. A. O slove ustnom i knizhnom / S. A. Neklyudov // Zhivaya starina, 1994. – № 2. – S. 2–3.
7. Silant'ev, I. V. Poetika motiva / I. V. Silant'ev. – Moskva : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 295 s.

8. Pokatilova, N. V. Predaniya kak fol'klornyj tekst : «verhoyanskij» lokus ot G. V. Ksenofontova do A. A. Savvina / N. V. Pokatilova // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik, 2022. – № 4 (41). – S. 100–109.
9. Ksenofontov, G. V. Ellejada : Materialy po mifologii i legendarnoj istorii yakutov / G. V. Ksenofontov. – Moskva : Nauka, 1977. – 247 s.
10. Ksenofontov, G. V. Uraanghaj-sahalar : Ocherki po drevnej istorii yakutov. T.1. 1-ya kniga / G. V. Ksenofontov. – Yakutsk : Nacional'noe izdatel'stvo RS (YA), 1992. – 416 s.
11. «Sejmchanskij dnevnik» A. E. Kulakovskogo. 1923-1924 gg. / Sostaviteli R. R. Kulakovskaya, N. S. Stepanova. – Yakutsk : Bichik, 2018. – 64 s.
12. Kulakovskij, A. E. Nauchnye trudy / A. E. Kulakovskij. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. – 484 s.
13. Dygyn uola Taas Ullunrah (Taas Ullungah, syn Dygyna // Predaniya, legendy i mify saha (yakutov). – Novosibirsk : Nauka, 1995. – S. 102–104.
14. Gogolev, I. M. (Kyndyl). Киҕҕ Кыҕееҕи / I. M. Gogolev // Ajymn'ylar: v 5-ti t. – D'okuuskaj : Bichik, 2015. – T. 5. Dramalar. – S. 64–155.
15. Gogolev, I. M. Tygyn uonna Taas Ullunrah (Tygyn i Taas Ullungah) / I. M. Gogolev // Tyört saҕah (Chetyre gorizonta). – Yakutsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1980. – S. 272–275.
16. Yakovlev-Dalan, V. S. Tygyn Darhan : roman. / V. S. Yakovlev-Dalan. – D'okuuskaj : Bichik, 1993. – 509 s.
17. Harlamp'eva, N. I. Taas Ullunrah / N. I. Harlamp'eva // Yhyah kenne (Posle ysyaha). – D'okuuskaj : Bichik, 2012. – S. 93–107.

РОМАНОВА Лидия Николаевна – к. филол. н., в. н. с. отдела фольклористики и литературоведения, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: Romanova_lida@mail.ru

ROMANOVA Lidia Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Department of Folklore and Literary Studies, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences.